

«Норовская» или «Виленская» история: по воспоминаниям современников, документам

«Норовская» история, связанная с происшествием в 1822 году в Лейб-гвардии Егерском полку — небольшой эпизод, нашедшей отражение в исторической литературе, как открытое столкновение части офицерского состава полка с великим князем Николаем Павловичем во время его пребывания в Вильно на одном из смотров нескольких рот. Этот эпизод описан современниками достаточно красноречиво, где В.С. Норов изображен таким находчивым храбрецом, ставящим на место зарвавшегося великого князя.

Но подлинная норовская история благодаря Интернету приобрела новое звучание, когда стали доступны книги, документы и воспоминания, ранее неизвестные.

В. И. Норов

Император Николай I

Противостояние Василия Сергеевича Норова (1793-1853), капитана 3-й гренадерской роты, с великим князем Николаем Павловичем, будущим императором Николаем I, в то время командиром 2-й гвардейской пехотной бригады, нашла отражение в следующих источниках:

- Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822-1825. — М., 2013. — 944с.
- История Лейб-гвардии Егерского полка за сто лет. 1796-1896. — Спб., 1896. — с.
- Дело отставного подполковника Норова

1. Записные книжки великого князя 1822 года содержат сведения о происшествии в Вильно, но книжки — не дневник, а записи с перечнем событий и встреч в течение дня. Это дает возможность выявить круг доверенных великому князю лиц, познакомиться с его обычным времяпрепровождением, а также узнать о местонахождении и занятиях лиц императорской семьи. Но в записях почти отсутствуют ощущения автора, оценки происходящего, только тщательная фиксация времени, места и участников событий.

Первая запись свидетельствует о том, что Николай Павлович остался недоволен разводом карабинерской и егерской рот. «Отругал Толмачева и Норова, и Мандерштерна, посадил под арест Дюклу». На следующий день принял жалобу Норова от полковника Толмачева о переводе в армию. Далее произошла история с офицерами, которые в поддержку Норову стали подавать один за другим прошение о переводе в армию. Вел. кн. пишет: «Долго говорил обо всём, что происходит у егерей, плутни Маркова, Головин, Челищев, Панкратьев и Безобразов...». В течении нескольких дней следуют упоминания о Норове, пишет письмо И. Ф. Паскевичу об этой истории. Следуют разговоры «с Толмачевым о той истории, подозрения насчет подстрекательства Норова во 2-й карабинерной». Всё время советуется с К. М. Бистромом, командиром Е. А. Головиным и другими окружающими его лицами. Началось следствие, в результате которого «Челищев кается, вышел Марков, Оболенский, Урусов, двое младших Родзянко изгнаны, Кромин и Жилин прощены, очень хорошо, отосланы в школу и раскаялись».

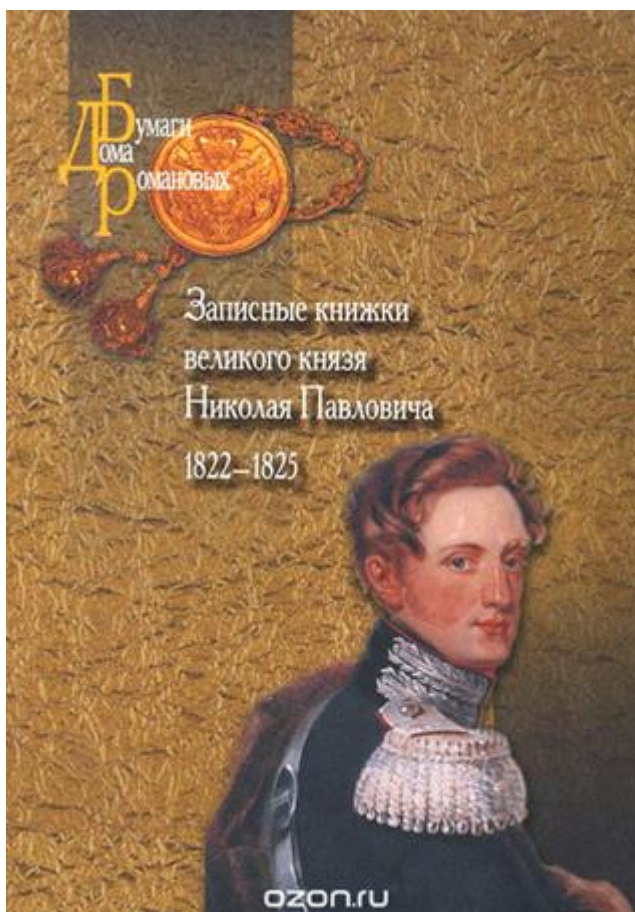
Приезжает Паскевич и вел. кн. Николай Павлович по его совету уезжает в столицу для доклада к Александру I. Будучи в Петербурге, ничего не говорит о разговоре, но генералом Сакеном готовится резолюция по норовской истории, читается проект, императрица Мария Федоровна в курсе этой истории. В октябре следует запись: «Ангел (Александр I) прощает Норова и Маркова...».

Даже по скупым записям можно предположить, что эта история имела большой резонанс не только с полку. Великий князь был не на шутку обеспокоен и старался выявить нарушителей, чувствуя свою вину и зная об открытых шумных собраниях против него.

В защиту Норова встали все обер-офицеры 3 батальона. Не популярность вел. кн. Николая Павловича в армии из-за придирчивости и строгости вызывала открытую ненависть в армии, о чем свидетельствуют современники. Для тех офицеров, кто прошел Отечественную войну 1812 года, участвовал в кровавых сражениях и заслужил награды, разносы молодого начальника в лице вел. кн. воспринимались как оскорбление. Только вмешательство командующего гвардейским корпусом Ф.П. Уварова, командира полка Е.А. Головина, бывшего командира полка К.М. Бистрома и начальника 1-й пехотной дивизии И.Ф.

Паскевича нейтрализовало ситуацию, которая могла иметь печальные последствия после истории 1820 г. с бунтом в л.-гв Семеновском полку.

2. В книге «История Лейб-гвардии Егерского полка» в приложении помещены документы о происшествии в Вильно в конце февраля 1822 года: воспоминания А. Челищева, полковника Крылова, письма великого князя Николая Павловича к генерал-фельдмаршалу И.Ф. Паскевичу, приказ о следствии и наказании В. Норова и других причастных лиц.

Алексей Челищев, один из участников Виленской истории, делится воспоминаниями, говоря о Норове, как об одном из уважаемых и любимых товарищами офицеров полка, известном своей храбростью, получившим тяжелое ранение во время заграничных походов 1812-1813 гг. при Кульме. Говорит о нем, как об образованном, сведущем в военном деле человеке. В полку его в шутку прозвали Жомини.

«Великий князь Николай Павлович, командир 2-й Гвардейской пехотной бригады, на одном из разводов остался очень недоволен ротой Норова и сделал ему очень резкий выговор. На следующий день Норов, оскорбленный словами В.К., подал прошение о переводе в армию. И по легкомыслию молодости, он и еще несколько человек, согласились по очереди подавать через 2 дня по 2 просьбы в день. Что было не положено, т.к. переход мог быть только разрешен с сентября до января. 6 человек успели это сделать. По прибытии командира полка генерала

Головина все было прекращено, они были арестованы, а через две недели переведены в армию».

Второй участник истории полковник **Крылов**, тогда — юнкер, пишет о 29-летнем В. Норове, как о старом капитане, участнике Отечественной войны 1812 г., получившим тяжелое ранение в пах при Кульме, серьезном и образованном человеке. Все офицеры любили его, уважали, смотрели как на вожака и прозвали Жомини. «Великий князь Николай Павлович делал ученье Егерскому полку и ротному командиру сделал очень строгий выговор. Норов, крайне самолюбивый, оскорбился в высшей степени и решился просить о переводе в армию. Офицеры, которые любили Норова, считали и себя оскорбленными. Начались совещания и решили по жребию подавать рапорт. Дошло дело до Головина, тот доложил К. И. Бистрому, который приехал в полк и уговорил офицеров отказаться от безрассудного решения. Зачинщиков арестовали». Называет фамилии 5 человек: Норов, кн. Оболенский, Челищев, Панкратьев, кн. Урусов. 2-х не помнит. Добавляет, что Норов впоследствии принадлежал к обществу декабристов и осужден на 15 лет. Брат его Дмитрий Сергеевич, который служил в Егерском полку поручиком, рассказывал ему, что когда император Николай Павлович прибыл в Москву на коронацию и ему в числе прочих дворян представился отец Норовых, то Государь сказал ему: «Смотри, старик, когда будешь делить детей, не забудь нашего Василия». Крылов добавляет: «Вот еще одно из таких черт рыцарского великодушия, которые так часты в жизни Н.П.».

Письмо к И.Ф. Паскевичу. Наконец, эту историю мы услышали из уст самого Великого князя Николая Павловича, который пишет своему наставнику И.Ф. Паскевичу о неприятном происшествии, в результате которого он поставлен в неловкое положение. И растерявшись, советуется с ним, как ему поступить. Вот дословно его версия: «Был развод Л.-Гв. Егерскому полку роты 2-й карабинерной и 4-й егерской, я был ими вовсе недоволен, ибо не нашел исправным то, что должно ротным командирам привести в порядок в два те месяца, кои роты провели в деревне. **Объяснив сие сильно, но без всякого пристрастия батальонному командиру Толмачеву**, сделал выговор и ротным командирам, капитану **Норову** карабинерной роты и **Мандершерну**, приказа на месте то, что упущено было, и прибавя, что ежели в скором времени не будет исправлено то, что должно, принужден буду отнять у обоих роты.

После развода, призвав всех трех к себе, повторил я все сие замечания, прибавив, что тем более сие упущения в моих глазах не простительны, что оба были всегда отличными ротными командирами. По утру на другой день полковник Толмачев пришел ко мне и объявил, что капитан Норов просится в армию. Спросив о причине, получил в ответ от Толмачева, что Норов считает себя обиженным тем, что я ему выговаривал и обещал отнять роту. Сие показалось мне *весьма странным*, подумав немного, отвечал я Толмачеву, чтоб он остерег Норова, что если подаст просьбу, не дождавшись случая показать мне роту в порядке, лишит меня возможности аттестовать его к чину; и что притом и со всякой стороны подобная поспешность совершенно не уместна; ибо я могу её взять за личную дерзость ко

мне. .. Вы посудите сколь я терплю от сего несчастного приключения; одно меня утешает, что не виноват ни в чем...»

По тону письма, и даже на уверения о невинности в этом происшествии, Николай Павлович чувствует себя неуверенно, возможно, и виноватым, поэтому не хочет предавать огласке эту историю. По совету И. Ф. Паскевича великий князь Николай Павлович срочно выехал в Петербург для личного доклада Александру I.

После этого последовал приказ от 20 марта 1822 года. «Капитан Норов, получив выговор за неисправность по введенной ему роте, вместо того, чтоб принять оный с должным чувством, осмелился настоятельно требовать себя перевода в армию, во что вовлек и нескольких своих товарищей. За такой непозволительный поступок капитан Норов, выписывается тем же чином в 18-й Егерский полк, с содержанием под арестом 6-ти месяцев. Переводу в другие полки подверглись: полковник Марков, поручик Панкратьев, прапорщики кн. Оболенский и Урусов (3 мес. ареста), штаб-капитан Челищев переводится майором в 16-й Егерский полк».

Вскоре, при личной встрече с Александром I, Василий Норов получает прощение и 9 октября 1823 года в чине подполковника переводится в пехотный полк принца Вильгельма прусского.

3. Дело отставного подполковника Норова

Известно, что в 1818 году В. Норов был принят в тайное общество «Союз благоденствия» полковником Александром Муравьевым. На допросе по делу декабристов, он объясняет свое членство «молодостью, ему в то время было 23 года, и духом вольнодумства и возможностью свободно говорить. Ему были близки цель и задача общества, о конституции, которую представят на утверждение государю. Но скоро ему, человеку увлеченному военным делом, стало скучно участвовать в этих собраниях. Союз в скором времени распался.

И всё бы на этом закончилось, если бы в 1823 г. в Бобруйске С. Муравьев-Апостол, Швейковский и М. Бестужев-Рюмин не привлекли опять Норова к планам уже «Южного общества», зная, что он обижен за наказание, которое ему назначили после виленской истории – арест на полгода и перевод в армию. Они сочли, что оскорбленные чувства, гарантируют его содействие. Он знал о планах захвата крепости во время приезда Александра I и его свиты в Бобруйск. Они после захвата государя собирались идти на Москву с мятежными войсками. Норов не разделял их идею захвата власти, но в разговорах был дерзок. Позже говорил, что в душе знал, что не сможет пойти на преступление. Знали об этом и заговорщики. В Бобруйск прибыл также великий князь Николай Павлович, и Норов старался заслужить прощение Александра I во время его пребывания в Бобруйске. Заговор не удался, и все сношения с заговорщиками были прекращены. Вскоре Норов по болезни в марте 1825 года вышел в отставку.

История стала забываться, но 14 декабря 1825 года произошло восстание на Сенатской площади. Началось следствие и аресты всех заговорщиков. Норова арестовали по показаниям Комарова и Пестеля. Пестель показал, что Норова он не знал, но он был принят в общество Сергеем Муравьевым и Бестужевым-Рюминым.

Поведение декабристов на следствии, пожалуй, несколько роняет их в наших глазах. Героически держался М. Лунин, достойно вели себя И. Пущин, С. Муравьев-Апостол, Н. Бестужев, И. Якушкин, М. Орлов, А. Борисов, Н. Панов. Однако почти все остальные (не исключая Пестеля и Рыльева) раскаялись и дали откровенные показания, выдавая даже лиц, не раскрытых следствием: Трубецкой назвал 79 фамилий, Оболенский — 71, Бурцев — 67 и т. д.

Здесь, конечно, сказались объективные причины: своеобразный кодекс дворянской чести, обязавший побежденных смириться перед победителем-государем. Но, без сомнения, проявились здесь и субъективные качества таких разных людей, как, например, инстинктивно преданный чиновничеству Трубецкой и дерзкий, независимый Лунин.

На первом допросе Василий Норов не захотел называть фамилии членов общества «Союз благоденствия», но когда его заковали и стали строго содержать в крепости, то и он стал давать показания, «будучи верен данной присяге государю императору, я не колеблясь ни минуты, объявил г. генерал-адъютанту Левашову, что я точно был в тайном обществе, но единственно по предрассудку остановился назвать других... Признаюсь, что увлечен был в сие общество по молодости моей — тогда мне было 23 года, духом вольнодумства, сперва без всякой цели, только для удовольствия свободно говорить, что хочу... ». Далее назвал имена 8 человек.

Высказался он и о своем поведении в виленской истории 1822 года: « ...я служил в гвардии 10 лет до капитанского чина, но потом за непозволительный поступок против начальства, по сделанному следствию генерал-майором Головиным, я по величайшему повелению имел несчастье быть переведенным тем же чином в 18 егерский полк с содержанием под арестом на 6 месяцев, а в 1823 году по милости ныне царствующего государя императора получил всемилостивейшее прощение от покойного государя, был произведен в полк принца Вильгельма прусского, а в 1825 году по прошению за ранами уволен от службы».

Признав, что в Бобруйске он действительно слышал о намерении С. Муравьева-Апостола, М. Бестужева и И. Швейковского начать восстание, захватив Александра I, тем самым подписал себе приговор: «участвовал согласиём на лишение в Бобруйске свободы блаженной памяти императора и ныне царствующего государя, и принадлежал к тайному обществу со знанием цели».

В. Норов признал свою вину, был лишен чинов и дворянства, приговорен к ссылке на каторгу на 15 лет. Указ от 22 августа 1826 года ограничил срок каторжных работ 10 годами. По ходатайству матери Норов провел 10 лет в Свеаборгской, Выборгской Шлиссельбургской и Бобруйской тюрьмах. В 1835 году был переведен рядовым в черноморский батальон под надзором. В 1838 г. по болезни был уволен со службы с высочайшем дозволением жить в имении с. Надеждино под секретным надзором. В 1841 г. он получил разрешение переехать в Ревель, где и скончался в 1853 г.

Судьба Василия Норова сложилась трагически. Больной, оторванный от родных, живя всегда под надзором полиции, он стоически переносил постигшее его несчастье. В крепости написал труд «Записки о походах 1812 и 1813 годов от Тарутинского сражения до Кульмского боя», который был издан его братом А. С. Норовым анонимно в 1834 г.

«Виленская история», возможно, была прологом для дальнейшего соучастия самолюбивого и храброго капитана Норова в тайных замыслах Южного общества, знаком, предупреждающем о последствиях, но он не смог или не захотел изменить что-либо в своей судьбе.

Среди декабристов (121 чел.), осужденных Верховным судом, В. Норов был наказан сурово, многие склоняются к мысли, что Николай I припомнил ему «Виленскую историю», которая доставила ему столько неприятностей.

29.04.2017 г.